

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА В САРАТОВЕ В 1920 ГГ.

Гаврилова Алла Александровна

кандидат филологических наук, преподаватель, ГАПОУ СО
«Энгельсский промышленно-экономический колледж»
alla.gavrilova82@mail.ru

ABOUT MIKHAIL ZENKEVICH'S LITERARY ACTIVITY IN SARATOV IN THE 1920s.

A. Gavrilova

Summary: The article examines the work of the poet Mikhail Zenkevich in Saratov in the 1920s. Special attention is paid to individual poems published in local periodicals, as well as the only collection of poems published in Saratov, «Arable land of tanks». It has been noted that the artistic expressiveness of the poems combined with unusual plots is permeated by the poet's pessimistic views on the surrounding reality. The question of the main intentions of the poet's creative searches, expressed at the level of constructing a lyrical plot, continues to be debatable.

Keywords: literary life, Saratov, Mikhail Zenkevich, «Arable land of tanks».

Аннотация: В статье рассматривается творчество поэта Михаила Зенкевича в Саратове в 1920-е гг. Особое внимание уделено отдельным стихотворениям, вышедшим в местных периодических изданиях, а также стихотворениям из единственного опубликованного в Саратове сборника стихов «Пашня танков». Отмечается, что художественная выразительность стихотворений, в сочетании с необычными сюжетами, пронизана пессимистическими взглядами поэта на окружающую действительность. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о главных интенциях творческих поисков поэта, выразившихся на уровне построения лирического сюжета.

Ключевые слова: литературная жизнь, Саратов, Михаил Зенкевич, «Пашня танков».

В периодических изданиях, на лекциях и поэтических выставках Саратова 1920-х гг. неоднократно уделялось внимание творчеству Михаила Зенкевича. Его поэзии были посвящены критические статьи, в честь него проходили литературные диспуты [14, с. 12; 16, с. 7].

Михаил Александрович Зенкевич (1891–1973) – русский поэт, переводчик, родился в с. Николаевский городок Саратовской губернии. Один из основателей советской школы поэтического перевода, популяризатор лучших образцов зарубежной поэзии (переводы В. Гюго, У. Уитмена, У. Шекспира, а также многих европейских поэтов). Член Коммунистической партии с 1947 г. В 1915 г. окончил юридический факультет Петроградского университета. В годы гражданской войны вступил добровольцем в Красную Армию. Первые стихи Зенкевича появились в нелегальных изданиях в 1906 г. Позднее увлекся акмеизмом, став участником «Цеха поэтов», который издал в 1912 г. его первый сборник «Дикая порфира». Изобразительная сила стихотворений, вошедших в сборник, их необычная тематика (обращение к доисторическим эпохам Земли) сочетались с пессимистической окраской описываемого, ощущением суетности жизни, бессилия человека [11, с.1019].

Творчество М. Зенкевича в Саратове приходилось в основном на 1917–1923 годы, потом он покинул город, уехав в Москву. Живя в Саратове, Зенкевич являлся заведующим отделением РОСТА, входил в редакционную коллегию журнала «Саррабис», а также в состав сотрудников журнала «Художественный Саратов». Активно участвовал в литературной жизни: читал лекции по современной поэзии, опубликовал критические статьи

«Александр Блок», «Мистерия революционного буфа» [2, с. 4; 6, с. 7].

Финансовые затруднения мешали поэту активно развивать свою литературную деятельность в Саратове. Об этом свидетельствует, например, заметка в «Саррабисе»: «Книги стихов М.А. Зенкевича «Лирика» – «Avio recviem», приготовлены к печати, но, к сожалению, издание выйдет не в Саратове, а в Москве. Графическая сторона книги исполнена гравюрой на линолеуме. Издания, для которых в Саратове приготовлено все, не могут выйти в нем за отсутствием соответствующей бумаги» [17, с.13]. В Саратове был опубликован лишь один сборник стихов Зенкевича – «Пашня танков». Саратовской публике приходилось довольствоваться отрывками из сборников, опубликованных в местных периодических изданиях. Так, в период с 1921 по 1923 гг. были напечатаны следующие стихотворения: «Поздний пролет» [10, с. 8], «Налажены лыжи и узлом сухожилий...» [7, с. 5], «Лотерея гильотины» [5, с. 4], «Нок-аут» [8, с. 8], «Бюллетень молний» [3, с. 8].

Жизни и творчеству М. Зенкевича посвящено немало исследований [1, 12, 18, 19, 21, 22, 23]. В некоторых из них Зенкевич рассматривается как представитель адамизма [18, с. 34; 21, с. 159]. Так, А.А. Чевтаев подчеркивает, что «в своей версии декларируемого акмеистами возврата к Адаму как ценностному центру миропорядка поэт переступает антропологические рубежи и выходит к постижению субстанциональных первооснов вселенной» [21, с. 159]. Е.В. Тырышкина отмечает, что «М. Зенкевич выводит на сцену нового героя, размышляющего о своём месте в мироздании, о своей природе – в единстве плот-

ского/животного и духовного» [18, с. 117]. По мнению литературоведов, для поэзии Зенкевича характерна необходимость эстетического освоения земного, материального, предметного мира.

Говоря о литературной деятельности М. Зенкевича в Саратове, следует отметить то, что его поэзия не пропитана революционным духом. Его стихи являлись органическим продолжением «Дикой порфиры», с ее земным измерением бытия. Рассмотрим, например, стихотворение «Налажены лыжи и узлом сухожилий», напечатанное в четвертом номере журнала «Художественный Саратов» в 1922 г.:

Налажены лыжи и узлом сухожилий
Стрельнув пересекши дорогу, русак,
И легкие ветром морозным ожили,
Как на льду у буера паруса.
Глазами двухстволок смотреть и оскалась
В ознобе зубами курковыми ласкать.
У горизонта горячий след потеряв,
Сбившись в комок золотой, на ночлег
Падает солнце,
Как озябший тетерев,
Наевшись хвои, в пуховый снег.
За гуськом лошадей храпящих волочим
Арапник, а у млечного столба
В небе намазана салом волчьим
Месяца железная скоба [7, с. 5]

Стихотворение являет собой следование поэта принципам возвращения к природе. Интересны, например, описания солнца, где продемонстрированы точность поэтического слова и отточенность самого стиха: «горячий след потеряв», «сбившись в комок золотой», «на ночлег падает солнце / как озябший тетерев, / наевшись хвои». В стихотворении сказалась главная сила лирического таланта поэта – умение передать «сущность качественно нового отношения к природе со стороны современника» [10, с. 64]. Художественно и при этом с эксцентричностью представлена луна: «Намазана салом волчьим / Месяца железная скоба». Зенкевич выполняет условие акмеистического искусства, демонстрируя трезвость и здравую реалистичность взгляда на грубый и лишенный красоты мир.

В его стихах нет никакого мистицизма: мир должен предстать таким, каков он есть – зримым, вещным, плотским, живым и смертным, красочным и звучащим. Приведем в пример стихотворение «Поздний пролет», появившееся в первом номере «Художественного Саратова» в 1922 г.

Поздний пролет
За нивами настиг урон
Леса. Обуглился и сорван
Лист золотой. Какая прорва

На небе галок и ворон.
Чей клин, как будто паутиной
Означен, виден у луны?
Не гуси, нет, то лебединый
Косяк летит, то кликуны.
Блестя серебряною грудью,
Темнея бархатным крылом,
Летят по синему безлюдью,
Вдоль Волги к югу напролом.
Спешат в молчаньи. Опоздали,
Быть может, к солнцу теплых стран,
Взмутив свинцовым шквалом, дали,
Дорогу застит им буран.
Тревожны белых крыльев всплески
В заре ненастно огневой.
Но крик уверенный и резкий
Бросает вдруг передовой.
И подхватили остальные
Его рокочущий сигнал
И долго голоса стальные
Холодный ветер в вихре гнал.
Исчезли. И опять в пожаре
Закатом в золоте тканья
Лиловой мглы, как хлопья гари,
Клубятся стаи воронья [10, с. 8]

Стихотворение на уровне внешней композиции состоит из семи частей, каждая из которых представляет собой лирическое описание происходящего. Начало стихотворения – неприкрытая реальность природы: «урон леса», «обуглился лист», «на небе прорва галок и ворон», «синее безлюдье». Интересен в стихотворении образ лебедей: поэт превращает их в нечто приземленное, реальное и чувственно осязаемое. Лебеди Зенкевича – кликуны, предупреждающие о наступающем кризисе: «крик уверенный и резкий / Бросает вдруг передовой... / рокочущий сигнал / голоса стальные, и подхватили остальные / Его рокочущий сигнал». Описания передают мрачное настроение автора, сожалеющего о постепенном исчезновении лебедей как символов бесследно уходящего времени. Трансформация природных сил становится кульминацией: «опять в пожаре, / как хлопья гари, / Клубятся стаи воронья».

Индивидуально-авторская реализация миропонимания раскрывается в сборнике «Пашня танков». Сборник был представлен на первой литературной выставке «Лито» в Саратове в 1921 г. Современные критики охарактеризовали его как художественный сплав акмеизма, четко и конкретно постигающего мир [20, с. 10]. Объемом почти 30 страниц, он состоял из десяти стихотворных произведений: «Пусть нагнетаясь», «Порфибагр», «Хоры», «Довольно со скарбом скорби», «Пашня танков», «Голод дредноутов», «Страда пехоты», «Стакан шрапнели», «Авиореквием», «Альтиметр». Стихотворения относятся к военной тематике и отражают военные впе-

чатления автора. В «Пашне танков» Зенкевич передает ужасы войны, описывает жестокие и кровавые картины, используя эпатажирующие и порой шокирующие словосочетания. Многие стихотворные произведения пропитаны пессимизмом и посвящены теме смерти. В качестве символов смерти в каждом из десяти стихотворений встречаются темы мяса, крови, плоти, бойни, черепов и костей, хотя это не отражено в их названиях, а помещено автором внутрь.

Рассмотрим отдельные стихотворения сборника. Первое стихотворение «Пусть нагнетаясь» придает динамику книге. Слова автора обращены к поэту и звучат как некий призыв к творчеству: «От старта до старости / Останься порывист, упорен и горд».

В аккумуляторах твоего черепа
Еще не исчерпан
Поэтических интуиций запас.
Еще не поставлен
И искровыми вспышками не записан
Твоих достижений предельный рекорд! [15, с. 3]

Наэлектризованное слово поэта звучало громко и не могло не взволновать читателя. Поэт шокировал непривычной для читательского восприятия лексикой. Например, стихотворение «Пашня танков» избилует откровенными строками: «Брызгая мозгом, расплющиваемые черепа / Лопаются, как под уютюгом вши» [15, с. 11]. Автор демонстрировал умение дословно и натуралистично изобразить реалии, «довольно вызывающе опускал поэзию на грешную землю, используя эстетику безобразного, плотский физиологизм и вещный натурализм» [18, с. 118]: «Так идут в атаку / Танки, по вспаханному / Елозя стальным пахом, / Нюхом разбухших от эрекции / Орудий обнюхивая ухающие горизонты / Не оборачиваясь назад, / Оплодотворяя трупами – земли лоно, / Медленно, неуклонно / Ползут сквозь смерчи и взрывы / Бронированные бронтозавры – Танки» [15, с. 12].

Примечательно, что именно вещественные образы и проникновение поэта в суть вещей отражались на выборе лексических единиц, делая стихи необычными и захватывающими. Стихи сопряжены с темой крови и плоти. Возьмем, например, стихотворение «Страда пехоты»: «Готовые разлететься в дизентерийные брызги / Мозги... / Ничего / Немного мяса, и чугуна / И глины куски / Вычерпываемая и вырывающая в день / По ведерному крови глотку, / И по пуду свежего мяса» [15, с. 18]. Откровенными описаниями физических терзаний избилуют стихотворения «Порфибагр»: «Бронтозавры танки / Ползут сквозь взрывы и смерчи, / Огрызаясь ляском стальных бойниц, / Высасывают из черепов лакомство мозга» [15, с. 6] и «Стакан шрапнели»: «Месиво / Человеческого мяса мяса, / Разметывая туловищ ошметки, / Размызгивая мозги» [15, с. 11] Буквальное описание объясняется стремлением поэта как можно точнее описать ужасы войны.

Однако обращение к миру плоти и вещей «ни в коей мере не снимало метафизических вопросов» [18, с. 118]. Тема жизни и смерти, мира и бытия прослеживается в стихотворениях сборника. Рассмотрим стихотворение «Хоры»:

Нервов нарыв
Ноющее, окаянное я,
Окунув, кануть
В миллионах, ионах,
Океанах – мы.
Я – в мы! Я – в мы!
В ямы! В ямы!..
Яичников яйцепроводы –
Головастиков спермы привады,
Плененный в совокуплении
Матерую маткою матери,
Сперматозоидов электронов – Я –
Прими в свое икрюное нутро,
Мумму Тиамат, Тьмы Праматерь,
Бушующая энергиями – Материя,
Слепая, глухонемая,
Не знающая ни я, ни мы...
В тартарары, в тартарары
И мозга фосфоры, и крови пурпуры,
И волю, и разум!
От горько-соленого солонца
Горя,
На миллионосильном моторе
Торжественно горя,
Взлететь в Элизиум,
В Крематорий
Солнца!.. [15, с. 8]

В стихотворении Зенкевич продолжает тему разрушительной силы войны. Насилие и жестокость становятся всеобъемлющими, глобальными в истории человечества и в современности. Мумму Тиамат (в аккадской мифологии персонификация первозданной стихии, воплощение мирового хаоса, изображаемая в виде чудовищного дракона или семиголовой гидры [13, с. 527]) представлена как «бушующая энергиями материя», олицетворяющая войну, «слепую и глухонемую» к человеческому разуму, не признающую ценность человеческой жизни, затягивающая в адскую воронку человеческие жизни. Строки «На миллионосильном моторе / Торжественно горя» повествуют о гибели солдата, праведная душа которого взлетает никуда иначе, а только «в Элизиум, / В Крематорий Солнца».

Особую художественную выразительность в «Пашне танков» Зенкевич передает не только с помощью цвета, как это было в «Дикой порфире», но и с помощью звука. Поэт использует повторение различных фонетических сочетаний, создает настоящие слуховые образы, достигая максимальной экспрессии. Звуковую выразительность автор придает, например, с помощью алли-

терации: «*нервов нарыв*», «*окаянное, окунуть, кануть*», «*в миллионах, ионах, / Океанах*», «*яичников яйцепроводы*», «*матерую маткою матери*», «*От горько-соленого солонца / Горя*», «*В тартарары, в тартарары / И мозга фосфоры, и крови пурпур*». Благодаря данным сочетаниям достигается эффект звукоподражания – взрыв, хруст, свист. Данный эффект также способствует дополнительной ритмизации и опредмечиванию смысла неотвратимости и неминуемого приближения смерти.

Поиски нового ритма и образности наблюдаются в стихотворении «Авиореквием». В его основу положено историческое событие с упоминанием имен известных летчиков: русского летчика Петра Нестерова и знаменитого французского авиатора Адольфа Пегу, погибших во время Первой мировой войны.

«Авиореквием» начинается энергично, что достигается вновь аллитерацией, создающей звуковую атмосферу и передающей стремительность действия:

Пропела
И в смерти смерчей пропала
Бурная эра
Пропеллера.
Другая лазурная открылась за ней.

Во время Первой мировой войны Нестеров совершил свой последний подвиг – протаранил вражеский самолет. Этот исторический факт излагается насыщенно, описания поэта затрагивают самые тонкие детали:

Две ревущие бешено машины случая
В воздухе в иступленном совокуплении.
И в истоме застопоренного мотора замлев,
Блаженной улыбки с лица стерев,
На труп противника спланировал к земле
С переломленным позвоночником мертвый
Нестеров...
Вечно за жизнь свою с испугу
Дрожащие, смотрите! Смотрите!
Истлев и воскреснув в мертвой петле,
На экране неба в сумасшедшем прицеле
Снарядом летящего цилиндра
Обстреливая солнечные недра,
Экспроприруя вечность, производит Пегу

Амортизацию смерти...

«Истлев и воскреснув в мертвой петле» – слова, символизирующие гибель и славу. Фразами «*экспроприруя вечность, производит Пегу амортизацию смерти*» Зенкевич обыгрывает исторический факт: оба летчика, Нестеров и Пегу, совершили «мертвую петлю». Но первым эту фигуру исполнил Петр Нестеров, положив начало высшему пилотажу, а Адольф Пегу совершил эту же петлю в Париже, но чуть позже. Фигура «мертвая петля» связана именно с Нестеровым, и присвоить, «экспроприровать» чужие успехи, по словам Зенкевича, невозможно.

Стихотворение заканчивается словами:

Спите же, загонявшие кубарем винта
Пространств прострацию,
Захлестнувшие в мертвых петлях в ремни
Сидений мнимость седеющего времени!
Спите, павшие! Спите, испившие
В смерти бессмертия! [15, с. 22]

«Загонявшие, захлестнувшие, павшие, испившие» звучат как прославление подвигов, как вечная память и гордость достижениями героев. «В смерти бессмертия» или в смерти – жизнь, может быть, это подразумевал автор. Подвиги, достижения, доблесть и честь остаются нетленным следом после человека. Время для автора – «седеющее и мнимое», но фиксирующее то, что достойно вечной памяти.

Таким образом, саратовская поэзия М. Зенкевича является результатом впечатлений яростной жизни. «Поэт, прошедший красноармейцем путь гражданской войны, выходит из этого очистительного огня готовым к новым поэтическим восприятиям, накопив положительный опыт наблюдений, в которых уже преобладает не теория, а жизнь, окружающая его со всем богатством преображенного мира» [4, с. 4]. Творчество Зенкевича достигло той высокой точки, которая «позволяет говорить о внешней и внутренней свободе авторского поиска и выражения» [23, с. 325]. Нельзя не согласиться с высказыванием, что, «входя в образный мир поэта, мы видим и сегодня ощущаем цельность восприятия действительности, его поэтическую энергию, точный отбор слов, силу меткого образа» [4, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. П., 1923, с.143-144.
2. Зенкевич М.А. Александр Блок // Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. №2. 1-го сентября 1921 г., с. 4.
3. Зенкевич М. «Бюллетень молний» // Новый художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №11, 1923г., с. 8.
4. Зенкевич М. Избранное. Предисл. Н.С. Тихонова. М., «Худож.лит.», 1973. 224 с.
5. Зенкевич М. Лотерея гильотины // Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №4, 1922г., с. 4
6. Зенкевич М.А. Мистерия революционного буфа// Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. №2. 1-го сентября 1921 г, с.7.

7. Зенкевич М. «Налажены лыжи и узлом сухожилий...» // Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №4, 1922г., С.5.
8. Зенкевич М. «Нок-аут» // Новый художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №11, 1923г., С.8.
9. Зенкевич М. Поздний пролет // Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №1, 1922г., С.8.
10. Котов М. Открытое письмо поэту В. Богатыреву // О творчестве товарищей: Лит.-крит. Статьи и заметки о писателях Саратова, 1960.
11. Краткая литературная энциклопедия. – М., «Советская энциклопедия», Т. 2, 1964, 1056 с.
12. Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: Издательство «Водолей», 2000. – 704 с.
13. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.
14. Мухарева А. Библиография // Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. №3. Октябрь 1921 г. С.12.
15. Пашня танков. [Стихи]. — [Саратов]: тип. Проф.-техн. курсов Губполиграфотд., 1921. — 29, [3] с.
16. Поэт «Дикой порфиры» // Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. №2, 1923г., С.7.
17. Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. №2. 1-го сентября 1921 г.
18. Тырышкина, Е.В. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов / Е.В. Тырышкина, П.А. Чеснялис // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2. – № 3(33). – С. 117–131. – DOI 10.17212/2075–0862-2017-3.2-117–131. – EDN ZHZROB.
19. Усов Д. Поэзия М. Зенкевича // Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. №3. Октябрь 1921 г. С.11-12.
20. Художественный Саратов. 1922. № 2. С. 10.
21. Чевтаев А.А. Символика «пшеницы» в «дикой порфире» М. Зенкевича: адамизм и христианская аксиология / А.А. Чевтаев // Libri Magistri. – 2019. – № 3(9). – С. 158–173. – EDN JUGWFG.
22. Чеснялис П.А. Субъект и сверх-субъект в книге Михаила Зенкевича «Дикая порфира» / П.А. Чеснялис // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 090–098. – EDN RPEFCB.
23. Шиндина О.В. Геометрия пространства и метафизика текста («Альтиметр» М. Зенкевича) // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность. Сборник статей участников международной научной конференции. Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; Саратов, «Наука», 2008, Издательство: ИЦ «Наука» (Саратов), С. 318–325.

© Гаврилова Алла Александровна (alla.gavrilova82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»